

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ РОМАНТИКЪ Г. П. КАМЕНЕВЪ.

(Биографическій очеркъ).

Пойть весну и радость
Счастливый соловей,
А я — печальну младость,
Тоску души моея.

Стихи Г. П. Каменева.

ЮЛЯ 26-го, 1903 года исполнилось сто лѣтъ со дня смерти казанскаго купца, Гавриила Петровича Каменева, основателя романтическаго направленія въ русской литературѣ.

Большинству современныхъ читателей это имя, конечно, совершенно неизвѣстно. Нужно ли удивляться?

Неизвѣстными и непопулярными становятся имена ближайшихъ къ намъ литературныхъ поколѣній, писателей 1860-хъ и 1870-хъ, даже 1880-хъ годовъ. Дешевое павленковское изданіе сочиненій Писарева не распродалось, а при смерти Глѣба Успенскаго оказалось, что многіе студенты, по крайней мѣрѣ, въ провинціи не читали его сочиненій и даже не знали самого его имени. На нашихъ глазахъ быстро расцвѣтала и гремѣла литературная слава Надсона, Гаршина, Короленка; но не они уже властители умовъ читающаго молодого поколѣнія. Такъ гдѣ же помнить о романтизмѣ?

Самый важный представитель романтизма, В. А. Жуковскій, умеръ въ 1852 году, давно переживъ свою былую славу. О первомъ основателѣ романтизма, Г. П. Каменевѣ, забыли еще раньше.

Столѣтнюю годовщину со дня смерти Каменева императорская академія наукъ постановила почтить изданіемъ полнаго собранія

его сочиненій (подъ редакцію пишущаго эти строки). При изданіи будетъ приложена и подробная біографія поэта. Живя въ Казани, на мѣстѣ родины и дѣятельности Каменева, я въ теченіе 7 лѣтъ собиралъ матеріалы для біографіи и характеристики его литературной дѣятельности. Цѣлью настоящаго очерка является напомнить читателямъ главнѣйшіе факты изъ жизни этого замѣчательнаго казанскаго купца.

Родъ Каменевыхъ ведетъ свое начало отъ татарина, мурзы, котораго вскорѣ послѣ взятія Казани окрестилъ царь Иванъ Грозный. Съ теченіемъ времени родъ захудалъ и обѣднялъ. Ближайшіе предки поэта жили въ Свіяжскѣ, гдѣ и понынѣ еще фамилія Каменевыхъ не вымерла. Въ срединѣ XVIII столѣтія одинъ изъ Каменевыхъ, Петръ Григорьевичъ, переѣхалъ въ Казань, гдѣ сравнительно быстро сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ купцовъ въ городѣ и занялъ выдающееся и почетное положеніе.

Каменевы вели торговлю шелковыми и суконными товарами, а также имѣли оптовое рыбное дѣло. Поэтъ унаслѣдовалъ отъ отца, кромѣ капитала, 19 лавокъ, 4 каменныхъ амбара, нѣсколько каменныхъ домовъ съ большими дворовыми мѣстами въ различныхъ частяхъ города и т. д.

Петръ Григорьевичъ Каменевъ, отецъ поэта, былъ городскимъ головой и умеръ въ званіи президента губернскаго магистрата. Императрица Екатерина II, проѣзжая чрезъ Казань въ 1767 г., обратила на Петра Григорьевича, бывшаго тогда бургомистромъ, особенное вниманіе, сама подарила ему шпагу и просила его проводить ее до Симбирска. На важное положеніе Каменева указываетъ и то, что отпѣваніе его тѣла было совершено самимъ митрополитомъ казанскимъ, Веніаминомъ.

Напряженная дѣятельность рано исчерпала силы Петра Григорьевича, и онъ умеръ преждевременно, всего 36 лѣтъ. Его жена пережила его только тремя годами. Трое дѣтей—одинъ сынъ, будущій поэтъ, Гавріиль Петровичъ, и двѣ дочери, остались круглыми сиротами: дочери—11 и 9 лѣтъ, а сынъ, младшій ребенокъ (родившійся 3 февраля 1772 г.), всего 7 лѣтъ.

Дома, хозяйство и торговля поступили въ завѣдываніе опеки, состоявшей изъ знаменитыхъ въ то время казанскихъ богатѣевъ, Чекмарева и Иноземцева.

Опека добросовѣстно исполнила свое дѣло. Большое богатство не умалилось, а всецѣло сохранилось для юнаго поэта, явившагося послѣ брака сестеръ единственнымъ обладателемъ крупнаго состоянія.

Обѣ сестры поэта въ замужествѣ вышли изъ купеческой среды: одна стала женою Дѣдева, совѣтника гражданской палаты, другая же сочеталась бракомъ съ майоромъ Апехтинымъ, служившимъ въ Казани городничимъ. Обѣ Каменевы стали дворянками.

И самъ поэтъ получилъ воспитаніе не купеческое, а дворянское. Онъ учился вмѣстѣ съ дворянскими дѣтьми въ лучшемъ тогда въ Казани частномъ пансіонѣ нѣмца Вюльфинга.

Эти особенности воспитанія положили свой отпечатокъ на дальнѣйшей судьбѣ поэта. Съ одной стороны, Гавріиль Петровичъ, числясь въ купцахъ и производя торговлю, никогда не считалъ себя купцомъ и даже иронизировалъ, если въ обществѣ его принимали, какъ «негосіянта», а не какъ литератора. Съ другой, ученіе у нѣмца приобщило юнаго казанскаго купца къ современной нѣмецкой литературѣ и вообще заохотило его къ занятіямъ словесностію. Каменевъ отлично изучилъ нѣмецкій языкъ и въ подлинникъ ознакомился со всѣми германскими писателями, бывшими тогда въ модѣ, какъ-то Коцебу, Шписомъ, Козегартеномъ, Гесснеромъ, Клейстомъ; ихъ сочиненія онъ переводилъ на русскій въ стихахъ и въ прозѣ. Такимъ образомъ Каменевъ совершенно избѣжалъ вліянія ложнаго классицизма, господствовавшаго въ то время въ литературѣ русской, и, такъ сказать, непосредственно и самостоятельно примкнулъ къ наиболѣе новому литературному направленію, сентиментализму, имѣвшему тогда какъ разъ наибольшую силу именно въ Германіи. Въ это время Н. М. Карамзинъ еще только начиналъ насаждать на Руси это направленіе, почерпая его тоже изъ Германіи, именно изъ тѣхъ же самыхъ писателей, т.-е. Геснера, Клейста и т. д.

Внѣшняя карьера поэта пошла очень быстро. Богатство, природныя дарованія и происхожденіе отъ почтеннаго отца давали ему возможность выдвинуться. Несмотря на молодость, Гавріила Петровича выбираютъ на почетныя должности по городскому самоуправленію, сначала ратманомъ, потомъ бургомистромъ въ магистратѣ. Поэтъ, подобно своему отцу, умеръ очень рано, всего 31 года. Къ этому времени онъ уже имѣлъ чинъ коммерціи совѣтника, отличіе, которое и теперь среди купцовъ должно считаться очень рѣдкимъ и высокимъ особенно въ возрастѣ до 30 лѣтъ.

И, однако, несмотря на отличія и богатство, поэтъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ и неотступно мечталъ о смерти... Мы постараемся вскрыть тому причины.

Ранніе годы молодости поэтъ провелъ весьма бурно, въ кругу разгульной молодежи и тѣмъ надорвалъ свое здоровье.

Юные годы Г. П. Каменева представляютъ сочетаніе слѣдующихъ фактовъ: пламенная, огневая натура съ большою долею чувственности, отсутствіе строгаго надзора и контроля (родители оба въ могилѣ, обѣ сестры замужемъ), богатство и дурная компанія: чего же еще надобно для того, чтобы толкнуть юношу на путь разгула и разврата? Сочетаніе фактовъ самое неблагоприятное. И юный поэтъ не удержался на наклонной плоскости.

По рожденію Каменевъ принадлежалъ къ купеческой средѣ, гдѣ грандіозный кутежъ былъ среди молодежи дѣломъ весьма обычнымъ. По воспитанію и родственнымъ связямъ своихъ сестеръ поэтъ относился въ кругъ богатыхъ провинціальныхъ дворянчиковъ, интересы и развлечения которыхъ не превышали забавы юныхъ купчиковъ. Пилъ и развратничалъ Каменевъ по обычаю всѣхъ богатыхъ купеческихъ сынковъ, попавшихъ въ дворянскую компанію,

Гавріиль Петровичъ Каменевъ.
(Съ портрета, принадлежащаго г. Горгалову).

и отъ этой компаніи не отставалъ. Впослѣдствіи въ одну изъ покаянныхъ минутъ онъ вспоминалъ, какъ «съ пламенными отъ вина щеками онъ присусѣживался къ публичнымъ красавицамъ, сыпалъ полною горстью нажитое отцемъ и большими глотками вливалъ въ себя ядъ, его нынѣ разрушающій»...

Къ этому надобно присоединить и вліяніе наслѣдственности. Несомнѣнно, что отецъ поэта, расшатавшій свой организмъ неу-

«истор. вѣстн.», августъ, 1908 г., т. хлш.

станными трудами и заботами, передалъ сыну нѣкоторую нервную ослабленность, «неуравновѣшенность». Последняя выражается у дегенерирующаго потомства органическою склонностью къ меланхолии и ипохондрии, а эти черты довольно рѣзко сказываются въ нашемъ поэтѣ. Меланхолію пытаются обыкновенно разсѣять помощью специфическаго яда, алкоголя, который, однако, именно для неврастениковъ оказывается особенно губительнымъ и удручающимъ. Съ помощью Вакха и Венеры Гавріилъ Петровичъ не только разгуливалъ обычный юный задоръ, но и топилъ свою органическую меланхолію. Физическое здоровье отъ этого слабѣло и разрушалось, а меланхолія, спутница душевнаго вырожденія, надвигалась на поэта все ближе и все грознѣе. Какъ мы видимъ на портретѣ, душевныя и физическія страданія положили на лицѣ поэта свой неизгладимый отпечатокъ.

Подъ конецъ жизни Г. П., повидимому, совершенно бросилъ пить и кутить. Причины того, почему онъ не сдѣлался совершеннымъ алкоголикомъ и заправскимъ кутилою, были различны: разрушеніе здоровья и общее ослабленіе организма, перемѣна компаніи и знакомство съ нѣкоторыми замѣчательными людьми, усиленіе литературныхъ интересовъ и занятій, любовь.

Любовь сыграла въ жизни нашего поэта огромную роль. Но именно это обстоятельство и является въ его біографіи однимъ изъ самыхъ темныхъ пунктовъ. До насъ дошло только указаніе, что предметомъ любви была дѣвушка, дочь доктора иностранца (по всей вѣроятности, нѣмка). Г. П. былъ страстно влюбленъ въ нее, но въ глазахъ купцовъ-родственниковъ эта любовь казалась чуть не преступленіемъ; они не хотѣли допустить, чтобъ поэтъ женился на «басурманкѣ» и желали сами составить ему партію.

Купцы и крестьяне женились рано; брачный возрастъ начинался для нихъ не только съ каноническихъ 18 лѣтъ, но даже ранѣе. Женитьбы требовало и хозяйство Г. П. Каменева. Его родители были въ могилѣ, сестры замужемъ, у опекуновъ имѣлись на рукахъ свои собственныя обширныя торговыя дѣла и промышленныя предпріятія. Опекуны, конечно, могли только желать, чтобы поэтъ поскорѣе самъ взялся за дѣло. Вдобавокъ они, разумѣется, не могли одобрять разгульнаго и невоздержнаго образа жизни, какой велъ нашъ поэтъ. «Женится—перемѣнится!»—ожидала родня и опекуны.

П. И. Мельниковъ-Печерскій съ большимъ искусствомъ передалъ потрясающую исторію—былъ попытка молодого просвѣщеннаго купца жениться на иностранкѣ. Молодой Красильниковъ и его жена гибнуть; ихъ бракъ, по мнѣнію старика отца, есть нѣчто почти противоестественное: ему легче известись со всѣмъ родомъ и племенемъ, восклицаетъ онъ, нежели быть въ родствѣ съ басурманкою!

Склонность поэта, его чувство влекли его къ женитьбѣ на басурманкѣ. Въ глазахъ его родственниковъ и всего «темнаго царства» окружающей его купеческой среды эта женитьба была безуміемъ. Борьба со средою юношѣ была, разумѣется, не подъ силу, да въ ту пору она была не по силамъ и для людей болѣе крѣпкихъ и зрѣлыхъ.

И на кого бы могъ въ этой борьбѣ юный поэтъ опереться? Всѣ желаютъ «ему же добра». Остается или умереть, или приспособляться, идти на компромиссъ. Приходится удовлетворить желанію родни: надо жениться, но жениться не на той, кого избрало сердце, къ кому рвется вся душа... Надо жениться и разстаться съ басурманкой, какъ бы привлекательны ни были ея свойства. Но вырвать изъ себя сердце не легко, и поэтъ чуть не до самой смерти чувствовалъ острую боль отъ этой раны.

Итакъ, надо искать себѣ для брака подходящую партію. Общественное положеніе Каменева было среднее, между двумя сферами: купеческой и дворянской. Родные не допускали его брака съ дочерью иностранца, но они же не препятствовали ему подняться до среды дворянской, куда уже проникли его сестры.

Дворяне и военные охотно женились на купчихахъ и купеческихъ дочкахъ, приносившихъ имъ капиталы. Гораздо рѣже были браки обратные, т.-е. женитьбы купцовъ на дворянкахъ: для послѣднихъ это была своего рода общественная деградация. Подобныя исключенія вызывались особенными обстоятельствами: образованіемъ жениха, его богатствомъ и высокимъ значеніемъ въ общественной средѣ. Эти условия были и у нашего жениха. Невѣсту ему можно было выбирать не среди необразованныхъ купеческихъ дочекъ, а между дворянками, по своему воспитанію и привычкамъ болѣе подходящими подъ вкусы Гавріила Петровича.

Выборъ поэта и его родныхъ остановился на Маріи Александровнѣ Подладчиковой, молодой дворянкѣ, барышнѣ изъ пензенскихъ помещицъ, отличавшейся «красотой и образованностію».

Допустимъ, что бракъ совершился по обоюдному согласію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Допустимъ, что поэтъ сдѣлалъ свободный выборъ, что онъ имѣлъ нѣкоторую симпатію къ своей невѣстѣ. Но и за всѣмъ тѣмъ для семейнаго счастья поэта оставалось немало подводныхъ камней.

Невѣста дворянка не могла не понимать, что, выходя за купца, хотя бы и первогильдейскаго, она приноситъ жертву, которая становится еще больше оттого, что невѣста молода, красива, образована. За это мужъ-купецъ долженъ заплатить, представить къ ея услугамъ свое состояніе, за это онъ долженъ дать ей свободу, не смѣть ее стѣснять.

Купецъ-поэтъ былъ богатъ, молодъ, хорошъ собой, образованъ, мягокъ характеромъ. Но онъ любилъ другую. Въ бракѣ Камене-

выхъ не было перваго связующаго цемента, не было взаимной склонности: это былъ бракъ по расчету. Иногда такіе браки сходятъ безъ несчастія; но они же могутъ привести и къ бѣдѣ, если одна, а тѣмъ болѣе обѣ стороны—люди увлекающіеся. Въ нашемъ случаѣ, кажется, оба, и мужъ и жена, были склонны къ увлеченіямъ...

Бракъ Гавріила Петровича оказался въ высшей степени несчастнымъ; онъ послужилъ одною изъ причинъ преждевременной кончины даровитаго юноши, столь много обѣщавшаго отечественной литературѣ и родному городу.

Преданія гласятъ, что Марія Александровна Каменева была вѣтреная женщина; она не имѣла къ мужу ни любви, ни сожалѣнія и сдѣлала все, что могла, чтобы отравить послѣдніе годы жизни Гавріила Петровича «вольностію своего поведенія».

Нѣтъ надобности пояснять, что значило это въ XVIII в., особенно въ грубой провинціи... Но вольное поведеніе жены не было единственнымъ кубкомъ яду. Какъ могла относиться къ поведенію жены поэта купеческая его родня? Поэтъ породнился съ дворянами, женился на дворянкѣ, а та вольничаетъ... Какое попріще для злословія, для порицанія и укоровъ! Какой тяжелый случай столкновенія двухъ укладовъ жизни: съ одной стороны—допетровско-домостроевскаго, гдѣ невѣрную жену запирали за дубову дверь и истязали ее палкою,—и съ другой стороны, французско-нижегородской фривольной атмосферы, гдѣ обманутому мужу сердиться считалось дѣломъ смѣшнымъ, гдѣ прилично было не показывать виду и смотрѣть сквозъ пальцы. Какъ обманутый и тоскующій мужъ, поэтъ былъ смѣшонъ дворянамъ; какъ мужъ слабый, потакающій, поэтъ долженъ былъ казаться опять таки смѣшнымъ для своей братикущевъ. Брачная жизнь нанесла поэту еще новые удары, не менѣе болѣзненные, чѣмъ прежніе, но уже трудно переносимые для него въ силу его распатаннаго здоровья.

Поэтъ вступилъ въ бракъ, значительно поизносившись и истощивъ организмъ кутежами и развратомъ. Въ письмахъ онъ самъ себя называетъ «гнилымъ лыкомъ». Во время брака его здоровье окончательно ослабѣло: къ 30-ти годамъ болѣзнь его уже почти совершенно разрушила. Грѣхи молодости сказывались на тѣлѣ поэта жестоко. Но, кромѣ дѣйствительной болѣзни, страданія Гавріила Петровича усугублялись еще природною его меланхоліею и вѣрною ея спутницею—болѣзненною мнительностію, доходившею до смѣшного. Особенно усилились мученія Каменева въ 1800 г.: письма его пестрятъ жалобами. Онъ постоянно прихварываетъ; при малѣйшемъ нездоровьѣ поэтъ думаетъ, что это—начало болѣзни, «долженствующей умертвить» его. Но «съ зарею утра всходила надежда на горизонтъ», и Г. П. начиналъ надѣяться на спасеніе.

Разумѣется, и эта сторона дѣла должна была способствовать постепенному охлажденію къ нему его жены. Кому пріятно воться

съ больнымъ, угрюмымъ мужемъ—ипохондрикомъ? Можетъ ли это быть по сердцу молодой женщинѣ веселаго характера, вышедшей замужъ за богатаго купца, чтобы жить въ довольствѣ и весельѣ? Впрочемъ «увлеченія» ея, съ другой стороны, надо думать, заходили за предѣлы дозволеннаго даже въ то время. Поэтъ свидѣтель-

Савва Андреевичъ Москотильниковъ.

(Съ портрета, принадлежащаго его дочери, г-жѣ Проскураковой).

ствууетъ въ письмахъ свое твердое намѣреніе съ женой своей «никогда не примиряться», т.-е. онъ не могъ уже простить...

Отъ брака съ Каменевымъ Марія Александровна имѣла двухъ дочерей: Екатерину и Татьяну. Переживши своего мужа, М. А. вступила во второй бракъ съ пензенскимъ купцомъ Лазаревымъ, жившимъ въ Казани.

Что касается дочерей поэта, то старшая изъ нихъ, Екатерина Гавриловна, вышла впоследствии замужъ за капитана Рубанова... Одинъ изъ ея сыновей, Василій Ивановичъ Рубановъ, унаслѣдо-

валъ отъ дѣда способность писать стихи. Другая дочь поэта, Татьяна Гавриловна, состояла въ бракѣ съ купцомъ Хворовымъ и была весьма несчастлива въ семейной жизни. Она дожила свой вѣкъ въ монахиняхъ.

Отмѣтимъ еще, что поэтическимъ даромъ обладала такъ же одна изъ племянницъ Гавріила Петровича,—Александра Андреевна Апектина (дочь его сестры Анны Петровны), вышедшая замужъ за знаменитаго въ Казани профессора—медика Карла Фёдоровича Фукса. Она издала книжку стихотвореній въ 1834 году, а впослѣдствіи получила извѣстность своими этнографическими трудами.

Угнетаемый природною меланхоліею, удрученный послѣдствіями разгула и разврата, своею несчастною любовью, несноснымъ бракомъ и окружающей средой, Каменевъ изнемогалъ нравственно и разрушался физически. Изъ двухъ источниковъ почерпалъ себѣ поэтъ облегченіе, помогавшее ему нести житейское бремя: то были дружба и литература.

Образованіе, вынесенное Г. П. Каменевымъ изъ частнаго пансіона Вюльфинга, было, по нынѣшнему судя, конечно, недостаточное. Онъ не овладѣлъ, напримѣръ, русскою орфографіею и писалъ очень безграмотно, какъ можно убѣдиться изъ его автографовъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи; его сочиненія показываютъ также незнаніе русской исторіи и т. п. Но несравненно важнѣе было то, что изъ пансіона Каменевъ вынесъ охоту и интересъ къ самостоятельнымъ занятіямъ литературою и овладѣлъ языками французскимъ и особенно нѣмецкимъ, который онъ зналъ твердо и основательно. Въ дальнѣйшей своей жизни Каменевъ не интересовался торговлею и службою, а почти исключительно посвящалъ свое время и силы литературѣ. Мы не имѣемъ свѣдѣній о первыхъ начаткахъ литературной дѣятельности Каменева. Но уже къ 20 годамъ онъ вполне владѣлъ механизмомъ русскаго стиха, какъ видно изъ неизданной его рукописи 1792 г., содержащей болѣе 1.000 стиховъ переложенія одной поэмы Гесснера (съ нѣмецкаго).

Благодаря нѣмецкому воспитанію, Каменевъ непосредственно примкнулъ по направленію къ современной ему сентиментальной нѣмецкой литературѣ. Первоначальное же ознакомленіе съ литературою русской получено было имъ, разумѣется, не въ школѣ, а самостоятельно. Среди тогдашнихъ купцовъ попадались уже любители чтенія. Нельзя забывать также, что въ области умственныхъ интересовъ Казань въ то время сравнительно не была глушью. Казань являлась тогда по отношенію ко всему Поволжью культурнымъ центромъ. Здѣсь въ 1758 г. была учреждена гимназія—третья во всей Россіи (кромѣ академической петербургской и московской университетской). Въ 1776 г. основана въ Казани одна изъ первыхъ въ Россіи провинціальныхъ масонскихъ ложъ—ложа «Восходящаго Солнца». Необходимо предположить, что въ Казани было

тогда нѣсколько людей, не погрязшихъ въ грубо-матеріальной жизни и заботившихся объ удовлетвореніи интересовъ духа. Черезъ знакомство съ такими людьми молодой Каменевъ могъ восполнять пробѣлы пансіонскаго образованія, могъ изучить и литературу отечественную.

Среди литературныхъ знакомыхъ и друзей важнѣйшее значеніе въ жизни Каменева возымѣлъ одинъ необычайный человекъ, Савва Андреевичъ Москотильниковъ.

Имя Москотильникова незабвенно въ лѣтописяхъ культурной исторіи Поволжья, особенно Казани. Въ теченіе почти 60 лѣтъ Москотильниковъ стоялъ въ переднихъ рядахъ казанской интеллигенціи, пользуясь глубочайшимъ уваженіемъ всѣхъ, кому случалось съ нимъ сталкиваться. Поприща его дѣятельности были многочисленны и разнообразны, но всегда и вездѣ онъ оставался возвышеннымъ характеромъ, направлявшимъ всѣ усилія на преуспѣяніе дѣла справедливости и просвѣщенія. Видный губернский чиновникъ, болѣе полувѣка неустанно боровшійся съ злодѣяніями приказной челяди различныхъ ранговъ, раскрывшій между прочимъ ужасное дѣло о полицейскихъ истязаніяхъ невинныхъ въ Казани (эти разоблаченія были причиною знаменитаго манифеста Александра I объ уничтоженіи пытокъ въ Россіи), практической юристъ, бесплатно предоставлявшій свое громадное знаніе указовъ въ услугу всякому, кто нуждался въ защитѣ и покровительствѣ законовъ (онъ отстоялъ капиталъ, на который основанъ казанскій дѣвичій институтъ, отъ покушеній алчныхъ наслѣдниковъ Родіоновой), литераторъ, масонъ, раздававшій преступникамъ, проводимымъ въ сибирскую ссылку, въ видѣ милостыни большую часть своего достоянія, другъ Новикова и Лопухина—вотъ кто былъ Москотильниковъ.

По происхожденію, подобно Каменеву, изъ купцовъ (родомъ изъ Ярославля), Москотильниковъ самоучкою добился обширнаго образованія: онъ хорошо зналъ французскій языкъ и былъ человекъ начитанный. Спасаясь отъ попытокъ родныхъ сдѣлать изъ него виноторговца, онъ съ юныхъ лѣтъ поступилъ въ канцелярію, гдѣ, благодаря своимъ выдающимся умственнымъ дарованіямъ и нравственнымъ достоинствамъ, довольно быстро сталъ повышаться по служебной лѣстницѣ.

Въ Казань Москотильниковъ прибылъ въ 1793 г. Встрѣча и знакомство его съ Каменевымъ состоялись въ городскомъ магистратѣ, куда Москотильниковъ поступилъ на службу секретаремъ, и гдѣ Каменевъ служилъ бургомистромъ. Отношенія официальные и служебныя очень скоро перешли въ тѣсную дружбу, продолжавшуюся около 10 лѣтъ, до смерти Каменева.

При встрѣчѣ обоихъ поэтовъ Каменеву было всего 21 годъ. Но онъ уже занималъ высокую должность, былъ человекъ вполне не-

зависимый и владѣлъ богатымъ состояніемъ. Москотильниковъ былъ на 4 года старше своего новаго друга. Онъ не былъ богатъ, не имѣлъ еще виднаго общественнаго значенія, но онъ обладалъ громаднымъ преимуществомъ надъ своимъ другомъ: онъ имѣлъ твердые нравственные принципы и строго опредѣленное мировоззрѣніе, онъ отличался независимостью отъ окружающей среды и, какъ *selfmade-man*, всѣмъ былъ обязанъ одному самому себѣ.

Встрѣча съ Москотильниковымъ произошла въ фатальный моментъ жизни Каменева, на переломѣ его жизни. Разгульная молодая компанія уже начинала ему надоѣдать, его тянуло къ серьезному дѣлу и къ литературной работѣ, но въ его сердцѣ не было покоя. Несчастливая любовь, неудачный бракъ уже успѣли раздражить его душу; болѣзнь поражала тѣло. Найти опору въ самомъ себѣ повѣтъ могъ не всегда: настроеніе свѣтлое, добродушное часто смѣнялось у него жестокими и продолжительными припадками отчаянія и меланхоліи. Понятно, съ какою радостью долженъ былъ онъ ухватиться за дружескую руку, принадлежавшую человѣку уравновѣшенному, степенному, спокойному и непоколебимому въ добродѣтели, какъ гранитная скала.

Москотильниковъ легко подчинилъ своему вліянію мягкаго, страждущаго и юнаго Каменева. Это вліяніе было для него безусловно благотворнымъ, что сознавалъ самъ Каменевъ, постоянно относившійся къ своему другу съ замѣтнымъ уваженіемъ и какъ бы къ старшему брату.

У Москотильникова съ Каменевымъ нашлась общая почва, на которой они вмѣстѣ могли трудиться съ любовью: это была литература.

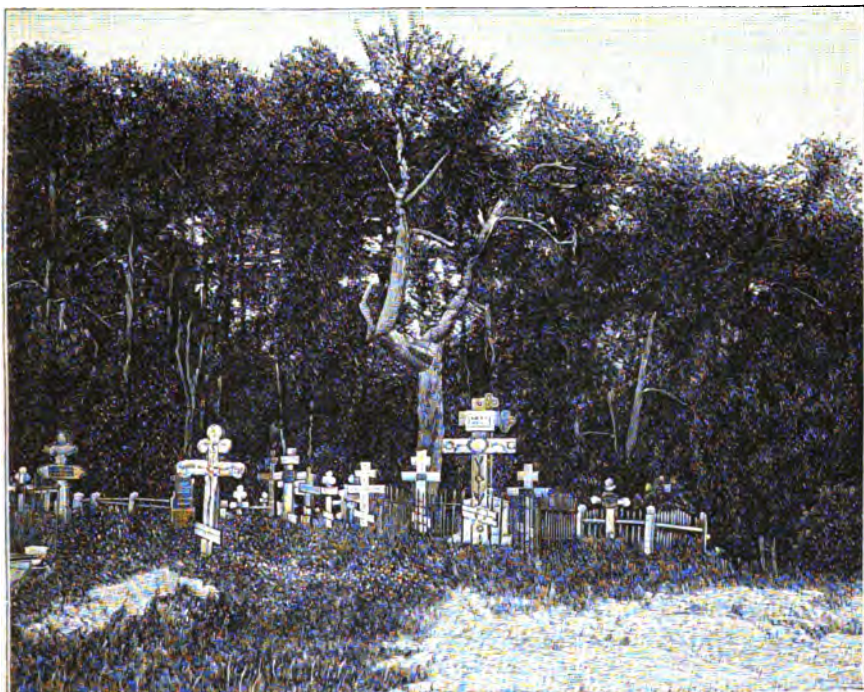
Москотильниковъ пріѣхалъ въ Казань уже литераторомъ: онъ печаталъ переводныя статьи въ журналахъ Новикова. Занятій литературою онъ не покидалъ никогда за весь свой долгій вѣкъ: у своихъ скучныхъ и утомительныхъ служебныхъ занятій онъ всегда умѣлъ урвать часокъ—другой на литературу. Еще въ 18 лѣтъ онъ написалъ трагедію «Останъ», а въ Казани, кромѣ мелкихъ стихотвореній, работалъ надъ переводомъ Тассова «Освобожденнаго Иерусалима».

Каменевъ занимался литературою еще до пріѣзда Москотильникова въ Казань. Но только послѣ этого знакомства его литературныя занятія получили опредѣленный характеръ, и онъ вступилъ на литературное поприще, началъ печататься.

Рука Москотильникова поддерживала злосчастнаго юношу среди ада его семейной жизни, среди разнообразныхъ нравственныхъ и физическихъ мученій, преслѣдовавшихъ его; Москотильниковъ научилъ Каменева находить себѣ утѣшеніе въ области искусства слова. Москотильниковъ же сдѣлалъ для Каменева и еще большее: онъ ознакомилъ его съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь, — съ тѣмъ взгля-

домъ, какой раздѣлялъ онъ со старшими поколѣніями московскихъ масоновъ, учениковъ Шварца.

Савва Андреевичъ состоялъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Москвою. Но и въ Казани онъ сумѣлъ организовать вокругъ себя небольшой и тѣсный кружокъ людей, любившихъ литературу. Сюда, кромѣ его ближайшаго друга, Каменева, вошли еще И. И. Чернявскій, учитель главнаго народнаго училища въ Казани, потомъ про-

Кизическая роща.

фессоръ Виленскаго университета, и еще одинъ замѣчательный человекъ, гражданскій помѣщикъ Н. С. Арцыбашевъ, авторъ критическаго свода лѣтописей, впервые разоблачившій слащавую ненаучность «Исторіи» Карамзина. Всѣ четверо замыслили даже издавать въ Казани нѣчто въ родѣ журнала или періодически выходящаго альманаха. Къ кружку Москотильникова примыкали еще другіе преподаватели народнаго училища, какъ-то: Вас. Род. Бобровскій, Степанъ Вас. Смирновъ и префектъ казанской духовной семинаріи Кондратій Сергѣевичъ Орловъ. Близко знакомы съ Москотильниковымъ были еще Дм. Ник. Зиновьевъ, Вас. Ипатовичъ Полянскій и литераторъ Иванъ Алексѣевичъ Второвъ.

Несомнѣнно, что нашъ бѣдный юноша-поэтъ, попавъ въ атмосферу Москотильниковскаго кружка, вздохнулъ свободнѣе. Кружокъ отвлекалъ его отъ меланхоліи, отъ семейной драмы, отъ службы, отъ скучныхъ коммерческихъ дѣлъ. Здѣсь онъ могъ чувствовать себя свободно, могъ давать волю своему природному добродушному юмору. Москотильниковъ чрезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Каменева такъ вспоминалъ объ этихъ дружескихъ бесѣдахъ:

Я послѣ столькихъ лѣтъ какъ будто бы гляжу
 На милыхъ, съ милыми какъ будто бы пирую...
 Вотъ венъ де Ринъ, а вотъ въ бутылкѣ волотится
 Нектаръ, что съ береговъ британскихъ къ намъ струится.
 Приправа жъ лучшая—въ душѣ двоихъ друзей,
 Чуждавшихся всегда Лукуловыхъ ватѣй.

Подъемъ душевнаго настроенія сразу сказывается въ увеличеніи литературной производительности Каменева. Онъ пишетъ оригинальныя стихотворенія и прозаическіе рассказы, переводитъ изъ нѣмецкихъ писателей—въ стихахъ и въ прозѣ. У Каменева завязываются литературныя сношенія съ петербургскими и московскими журналистами, въ изданіяхъ которыхъ онъ помѣщаетъ свои труды—сначала безъ подписи, потомъ подъ псевдонимами и сокращенною подписью, наконецъ съ полнымъ именемъ. Литературную извѣстность въ то время было завоевывать легче, чѣмъ теперь. Немудрено, что черезъ какіе нибудь 3—4 года имя Каменева становится украшеніемъ вновь выходящихъ журналовъ. Въ Петербургѣ его произведенія печатаются у И. И. Мартынова въ журналѣ «Муза» (1796 г.), въ Москвѣ—у Сохацкаго и Подшивалова въ ихъ изданіяхъ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794—1799), «Иппокрена или утѣхи любословія» (1799—1801), у Сохацкаго и Побѣдоносцева въ «Новостяхъ русской литературы» (1802).

Какъ мы отмѣтили выше, предшествующему періоду русской литературы, псевдоклассицизму, Каменевъ остался совершенно чуждымъ и непричастнымъ. Онъ не началъ, какъ это обыкновенно бываетъ, съ подражанія отечественнымъ классикамъ. Сидя у себя въ Казани, внѣ живого общенія со столичными литературными кружками, Каменевъ вопшелъ въ русскую литературу какъ бы извнѣ, со стороны, и литературное новаторство—введеніе сентиментализма въ русскую литературу—принадлежало ему, не какъ подражателю Карамзина или Радицева, первыхъ русскихъ сентименталистовъ, но наравнѣ съ ними. Онъ—не рядовой боецъ въ дружинѣ Карамзина, а самостоятельный поборникъ того же дѣла, принятаго имъ независимо отъ другихъ нововодителей. Поэтому и при личномъ знакомствѣ съ Карамзинымъ Каменевъ былъ принятъ имъ, не какъ ученикъ и поклонникъ, а какъ самобытный и самостоятельный литераторъ сочувственнаго лагеря. Карамзинъ и И. И.

Дмитріевъ, дружески принявшіе казанскаго литератора, сами обращались съ нимъ, какъ съ равнымъ, и дѣлали разницу между Каменевымъ, съ одной стороны, и «карамзинистами», въ родѣ В. В. Измайлова, князя Шаликова—съ другой.

Карамзинъ не былъ учителемъ для Каменева даже со стороны языка: онъ и самъ былъ въ то время еще только начинающимъ журналистомъ, самъ едва выходилъ на новый путь, какъ издатель «Московскаго журнала», «Аонидъ», «Мои хъ бездѣлокъ» и т. д. Реформа языка лишь начиналась, но далеко еще не утвердилась, если вспомнимъ, какія ожесточенныя битвы изъ-за «стилей» давались еще въ XIX вѣкѣ. Съ другой стороны, именно Каменевъ обладалъ замѣчательнымъ стилистическимъ дарованіемъ и выработалъ себѣ изящный литературный языкъ, который поражаетъ своею простотою и легкостью, особенно въ его письмахъ. Карамзинъ рассказывалъ Каменеву про себя, что онъ «не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который былъ бы достоинъ подражанія, что онъ старался писать чище и живѣе, что онъ подражалъ иностраннымъ авторамъ, а потомъ писалъ своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ». Такой же самый путь продѣлалъ и Каменевъ, тоже примыкая, съ одной стороны, къ иностраннымъ авторамъ, а съ другой къ самостоятельному литературному воспроизведенію живого разговорнаго языка, какъ это дѣлалъ Карамзинъ. Карамзинъ увлекъ за собою многихъ и въ отношеніи языка, и въ отношеніи направленія сентиментализма. Каменевъ съ сочувствіемъ и радостью слѣдилъ за успѣхами автора «Бѣдной Лизы», но не могъ стать его подражателемъ и послѣдователемъ—потому, что уже сдѣлался сентименталистомъ раньше, независимо отъ Карамзина, почерпнувъ это направленіе непосредственно изъ нѣмецкой литературы, изъ первоисточника, откуда щедрой рукою черпалъ самъ «русскій путешественникъ».

Замѣтимъ еще, что сентиментализмъ у Карамзина былъ скоропреходящимъ и поверхностнымъ налетомъ на его довольно-таки прозаической и позитивной натурѣ. Пожавъ лавры на литературномъ поприщѣ, Карамзинъ сбрасываетъ «чувствительность» и обращается къ «сочиненію» русской исторіи. У Каменева заимствованный имъ у нѣмцевъ сентиментализмъ вполне соответствовалъ его мягкой натурѣ и являлся у него не маскою, а искреннимъ и естественнымъ духомъ его произведеній.

Въ Европѣ сентиментализмъ выразился въ различныхъ видахъ: въ Англіи подъ перомъ «Горика»-Стерна приподнятое, чувствительное настроеніе сентиментализма тѣсно перевивалось съ здоровою и мощною струею реализма. Противную, приторно-слащавую форму получилъ сентиментализмъ у французовъ, начавшихъ якобы идиллическую игру въ «пастуховъ» и «пастушекъ». Сентиментализмъ въ Германіи, откуда почерпнули его русскіе, былъ явля-

нѣмъ вторичнымъ и отражалъ черты, какъ англійскаго подлинника, такъ и французской его метаморфозы.

Русскіе сентименталисты отразили это направленіе неодинаково. У Радищева «чувствительность» получила яркую политическую окраску. Карамзинъ и особенно его школа, «карамзинисты», поняли «чувствительность» пошлымъ образомъ въ видѣ неудержимыхъ изліяній по поводу самыхъ обычныхъ вещей, за что ихъ и дразнили «Вздыкаловыми» и «Ахалкиными».

Каменевъ не сочувствовалъ Радищеву и вообще не доллюбливалъ политики, быть можетъ, проявляя общій масонскій духъ того времени. Нѣкоторыя уступки французскому вкусу дѣлалъ и онъ: и у него на берегахъ Волги фигурируютъ пастушки съ розовыми лентами на посохахъ. Но въ общемъ Каменевъ былъ довольно трезвый и реалистическій наблюдатель дѣйствительности. Любопытно его постоянное стремленіе избирать мѣстомъ дѣйствія своихъ рассказовъ и стихотвореній близко знакомыя и родныя мѣста—окрестности Казани, берега Казанки, Кизическій монастырь, Козью слободку и т. д.

Если несправедливо было приписывать заслугу введенія сентиментализма одному Карамзину, забывая о Радищевѣ, какъ родоначальникѣ этого направленія, и о Каменевѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе раннихъ и яркихъ его представителей, то еще несправедливѣе было забыть Каменева, какъ перваго русскаго романтика.

Въ трафаретныхъ нашихъ исторіяхъ русской литературы доселѣ господствуетъ примитивное пониманіе дѣла: сентиментализмъ введенъ де Карамзинымъ, романтизмъ—Жуковскимъ.

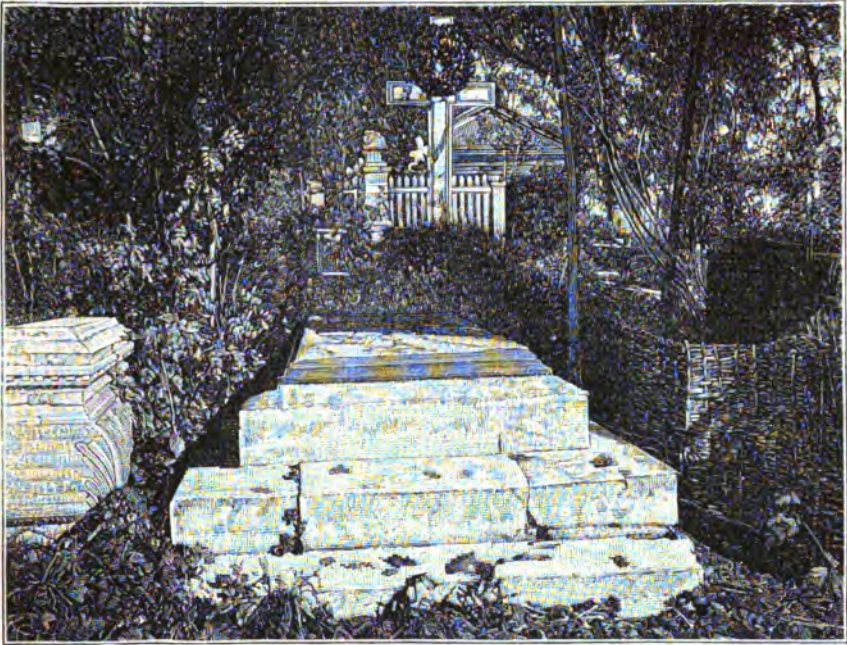
Между тѣмъ, знакомясь съ забытыми произведеніями Каменева, мы находимъ въ нихъ всѣ существенныя черты романтизма именно въ томъ своеобразномъ его предомленіи, которое было представляемо въ русской литературѣ Жуковскимъ,—съ тѣмъ важнымъ отличіемъ, что Каменевъ высказалъ все это лѣтъ на 15 раньше Жуковскаго.

Въ 1796 году, когда Жуковскій только еще поступилъ въ университетскій пансіонъ, Каменевъ былъ уже писателемъ съ именемъ, а ко времени переселенія Жуковскаго въ Мишенское, гдѣ изъ него формируется литераторъ, Каменевъ уже сходилъ въ могилу...

Н. С. Тихонравовъ въ своей замѣчательной рецензіи на книгу Загарина-Поливанова (Собраніе сочиненій, т. III, I, стр. 445) указалъ на важные факты: еще въ 1807 году Жуковскій не вполне владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ; въ 1808—1811 годахъ въ «Вѣстникѣ Европы» онъ занимался еще переводами съ французскаго и въ эстетическихъ взглядахъ своихъ былъ послѣдователемъ псевдоклассика Лагарпа; письма Іоганна Мюллера Жуковскій еще въ 1810 году переводилъ не съ нѣмецкаго подлинника, а съ француз-

скаго ихъ перевода; вообще (стр. 462) въ теченіе перваго десятилѣтія XIX вѣка Жуковскій относился съ симпатіею къ противникамъ Гёте и къ противникамъ романтической школы.

Жуковскій и по направленію, и по языку далеко не сразу выступаетъ романтикомъ. Онъ сначала еще продѣлываетъ что-то въ родѣ

Чугунная плита надъ могилою Каменева на Кизическомъ кладбищѣ.

ложноклассическаго періода, а въ языкѣ его пестрѣтъ «славянизма» даже вплоть до «Пѣвца въ станѣ російскихъ воиновъ».

Каменевъ, начавшій выработывать себѣ литературный языкъ нѣсколькими годами раньше Жуковскаго, употребляетъ мало славянскихъ формъ и реченій, а по направленію совершенно чуждъ ложнаго классицизма. Началь онъ прямо съ сентиментализма и въ теченіе своей недолговѣчной литературной карьеры (около 8 лѣтъ) испыталъ переломъ въ направленіи: умеръ онъ романтикомъ.

Какъ извѣстно, романтизмъ представлялъ собою реакцію противъ рационализма XVIII вѣка и былъ ретроградною попыткою возвратиться къ старому, средневѣковому міровоззрѣнію. Ясная и здравая разсудочность, разумъ, обоготворявшійся дѣятелями великой революціи, долженъ былъ уступить мѣсто ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи. Начатки реализма, проглядывавшіе въ сочиненіяхъ англійскихъ юмористовъ и въ «мѣщанской драмѣ», смѣни-

лись подновленными народными преданіями или заново придуманными исторіями въ томъ же духѣ, гдѣ дѣйствующими лицами, наравнѣ съ людьми, выступали духи, призраки, волшебники, вѣдьмы, мертвецы и т. д.

Соотвѣтственно политической разочарованности въ революціи, явившейся кульминаціоннымъ пунктомъ раціонализма, общій тонъ этой новой романтической поэзіи—неудовлетворенный, тоскующій, мрачный. Сентиментализмъ, вызывая «чувствительность», проливалъ слезы; но то были эмоціи, разрѣшающія душевную накипь и приводившія къ успокоенію. Романтизмъ не успокаиваетъ,—онъ страшитъ, волнуетъ, вырываетъ изъ уютной будничной дѣйствительности и переноситъ въ дикія, уединенныя мѣстности, ставитъ лицомъ къ лицу съ злодѣями, колдунами и прочими исчадіями преисподней.

Возрожденіе средневѣковаго романтизма начало совершаться въ Германіи за послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка. Изъ нѣмецкой литературы почерпаль его Жуковскій, впоследствии самъ рекомендовавшій себя, какъ поэтическаго дядьку этого направленія въ Россіи. Онъ забылъ прибавить, что за это направленіе онъ взялся чуть не черезъ полтора десятка лѣтъ по смерти Каменева, который былъ пѣстуномъ романтизма на Руси въ то время, когда Жуковскій ходилъ въ Москвѣ еще въ ученической пансіонской курткѣ.

Жуковскій, какъ мы видѣли, нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Каменева, не только не былъ еще романтикомъ, но относился къ романтизму непріязненно и не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ настолько свободно, чтобы быть въ состояніи ознакомиться съ новымъ направленіемъ въ подлинникахъ.

Каменевъ въ противоположность Жуковскому съ дѣтства отлично зналъ нѣмецкій языкъ и внимательно слѣдилъ за всѣми новыми явленіями въ области нѣмецкой литературы. Тотчасъ же отразилъ онъ на себѣ романтизмъ—новое вліяніе, сказавшееся у него въ рядѣ прозаическихъ переводовъ и наконецъ въ созданіи прекрасной оригинальной баллады «Громвалъ», появившейся уже послѣ смерти автора.

Каменевъ не могъ не примкнуть, онъ долженъ былъ примкнуть къ романтизму, который какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ его собственному мрачному, даже отчаянному настроенію духа.

Романтическая поэзія давала обильную пищу для этой сумрачности, все болѣе овладѣвавшей Каменевымъ.

«Громвалъ» есть первая русская оригинальная баллада. Двѣ переводныя баллады, указанныя Тихонравовымъ, и «Графъ Гвариность» Карамзина не идутъ въ счетъ—это произведенія заносныя. Каменевъ первый попытался создать русскую—національную балладу. Здѣсь фигурируетъ русскій богатырь, отыскивающій свою невѣсту, похищенную волшебникомъ Зломаромъ. При помощи вол-

шебницы Добрады Громвалъ добываетъ красавицу, подвергнушуюся чарамъ и заключенную въ чужой тѣлесный обликъ. Фигурируютъ въ балладѣ въ качествѣ противниковъ Громвала и мѣстные казанскіе драконы—Зиланты.

Баллада изложена чуднымъ, оригинальнымъ стихомъ и представляетъ собой высоко-поэтическое произведение.

Изъ вышеприведеннаго содержанія читатель видитъ, гдѣ находится одинъ изъ первообразовъ пушкинской поэмы «Русланъ и Людмила». Не даромъ Пушкинъ при первомъ же свиданіи съ племянницею Каменева, поэтессою А. А. Фуксъ, сказалъ ей, глядя на портретъ ея дяди: «Этотъ человекъ достоинъ былъ уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти: этотъ человекъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано».

Жуковский не высказался о своей зависимости отъ Каменева такъ опредѣленно. Но онъ помѣстилъ балладу «Громвалъ» въ изданномъ имъ собраніи «Образцовыхъ сочиненій» (въ 1811 году), и притомъ, какъ это удалось впервые выяснитъ мнѣ, хотя и съ именемъ Каменева, но въ своей собственной передѣлкѣ. Что Жуковский зналъ и другія, даже прозаическія произведенія Каменева, разсѣянные по журналамъ, очевидно изъ того, что имя «Громобоя», героя известной своей поэмы, Жуковский взялъ изъ прозаическаго разсказа Каменева подъ этимъ заглавіемъ.

Сочиненія и переводы Каменева до сихъ поръ разбросаны по журналамъ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка. Отдѣльнаго собранія его сочиненій никогда въ свѣтъ не выходило. Появились отдѣльными изданіями только нѣкоторые переводы изъ Коцебу и Шписа.

По нынѣшнимъ временамъ, когда начинающіе поэты деботируютъ цѣлыми томами поэтическихъ изліяній, Каменевъ написалъ мало: всѣ его сочиненія вмѣстѣ съ переводами и письмами составили бы книжку около 15 печатныхъ листовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Каменевъ, если бы его жизнь приняла болѣе благоприятный оборотъ, и если бы его не постигла преждевременная смерть, сдѣлался бы замѣчательнымъ писателемъ: онъ предвосхитилъ бы значеніе Жуковскаго и, конечно, сыгралъ бы видную роль въ реформѣ русскаго стиха и литературнаго языка вообще. Языкъ его чистъ и простъ, стихъ чрезвычайно легокъ и изященъ; размѣры разнообразны, постройка строкъ оригинальная.

Литературныя связи Каменева окрѣпли въ послѣдніе годы его жизни, благодаря личному знакомству съ большинствомъ виднѣйшихъ тогдашнихъ литераторовъ.

Отчасти по торговымъ своимъ дѣламъ, но, главнымъ образомъ, чтобы разсѣяться, Каменевъ совершилъ три поѣздки: двѣ въ 1799 и 1800 годахъ въ Москву и третью—въ 1802 году въ Петербургъ, проѣздомъ черезъ Москву. Благодаря имени, уже получившему

извѣстность, а также благодаря давнимъ знакомствамъ Москотильникова, предъ Каменевымъ раскрывались двери въ кабинеты литераторовъ различныхъ партій. Съ одной стороны, Каменевъ весьма тѣсно познакомился со стариками-масонами, какъ-то: И. В. Лопухинымъ и И. П. Тургеневымъ; у послѣдняго свелъ дружбу съ его даровитымъ первенцемъ, Андреемъ. Съ другой стороны онъ свелъ близкое знакомство и съ представителями новой школы, съ И. И. Дмитриевымъ и Карамзинымъ, который принималъ Каменева очень дружески, почти по-братски.

Въ свою поѣздку въ Петербургъ Каменевъ вступилъ въ самый прогрессивный литературный кружокъ того времени, «Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ», гдѣ дѣйствовало много даровитыхъ и либерально настроенныхъ представителей интеллигентной молодежи, какъ-то: Радищевъ-сынъ, Попугаевъ, Востоковъ, Борнъ, Остолоповъ и другіе. 30-го августа 1802 г. Каменевъ былъ принятъ въ число членовъ общества, а черезъ годъ, 3-го сентября 1803 года, общество было уже увѣдомлено о смерти своего новаго члена, на дарованія котораго оно возлагало большія надежды, ожидая отъ Каменева «плодовъ, могущихъ украсить россійскую словесность».

Казанскій кружокъ Москотильникова въ полномъ составѣ примкнулъ къ Вольному обществу и пересылалъ ему свои произведенія. Въ «Періодическомъ изданіи» этого общества появились уже послѣ смерти Каменева его наилучшія произведенія, въ томъ числѣ «Громвалъ».

Памятникомъ поѣздокъ Каменева въ столицы остались его письма къ Москотильникову. Письма эти, не предназначавшіяся для печати, весьма любопытны по языку и содержанію. Каменевъ былъ человѣкъ вдумчивый и наблюдательный: все, что онъ видѣлъ и замѣчалъ, онъ описывалъ своему другу подробно и искренно. Мы находимъ здѣсь и описаніе Москвы, и анекдоты изъ тогдашней жизни, и замѣтки о театрѣ, но всего болѣе рассказы о различныхъ литераторахъ. Самое подробное свѣдѣніе о личности Карамзина изъ той эпохи, когда онъ еще не былъ большимъ барининомъ, находимъ мы именно въ письмахъ Каменева. Общій тонъ писемъ добродушно-юмористическій—до тѣхъ поръ, пока дѣло не коснется болѣзней поэта: тутъ сразу тонъ мѣняется, и предъ нами истерзаный, страждущій ипохондрикъ.

«Изъ писемъ Каменева, — говоритъ ихъ первый издатель, — вы увидите человѣка съ умомъ наблюдательнымъ, взглядомъ на вещи свѣтлымъ, безпристрастнымъ, душою нѣжною, любящею. Почти невозможно читать его письма безъ особеннаго участія, не полюбивъ его, не привязавшись къ нему всею душою».

Каменевъ старался развѣяться въ столицахъ; но ни шумъ столичной жизни, ни новыя интересныя знакомства, ни быстрый ростъ

литературной извѣстности не могли утѣшить поэта. Мрачное предчувствіе скорой и неизбѣжной смерти томило его и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и дома, въ Казани.

Я вздохомъ начинаю день,
 Смущенны взоры вокругъ вращаю:
 Ищу отрадѣ—тоску встрѣчаю;
 Печаль слѣдитъ за мной, какъ тѣнь.
 Исчезла радость, наслажденье,
 Прошли забавы—и мученье
 Рукой желѣзной сердце жметъ.
 Влачится въ скукѣ жизнь моя.
 Лишась подруги кроткой, милой,
 Въ сей жизни горестной, унылой
 Томятся сердце и душа...
 Но скоро я глаза закрою
 И смерти хладною косою
 Въ могилу темную сойду!

Такъ изображалъ поэтъ свое душевное состояніе въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи.

Меланхолія Каменева въ концѣ концовъ превратилась въ полную душевную болѣзнь. Исхудалый, одичалый, онъ сталъ чуждаться не только семьи и домашнихъ, но даже вѣрныхъ друзей, ища полнаго уединенія. На цѣлыя сутки пропадалъ онъ изъ дому, блуждая въ окрестностяхъ Казани, обыкновенно, въ сосновой рощѣ Кизическаго монастыря, вмѣщающей въ себѣ кладбище, гдѣ похороненъ отецъ поэта.

Кизическую рощу поэтъ неоднократно воспѣвалъ въ своихъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненіяхъ. «Вотъ мѣсто,—воскликаетъ онъ, — которое питаетъ мою меланхолію! вотъ куда я часто прихожу грустить и проливать слезы... Иногда сижу подѣ тѣнью башенъ, рассматриваю картину окрестности и погружаюсь въ томную, унылую задумчивость... Часто вхожу я въ обитель, читаю надписи на гробницахъ, останавливаюсь при могилѣ, вмѣщающей прахъ родителя моего. Бѣдное сердце мое тоскуетъ, съ тяжкимъ вздохомъ упадаетъ слеза на хладный камень! Ахъ, какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что скоро, скоро я соединюсь съ нимъ, и, избѣгнувъ превратности счастья, успокоюсь въ нѣдрахъ общей нашей матери. Иногда прохаживаюсь подѣ тѣнью рощи. Здѣсь глубокое безмолвіе ничѣмъ не прерывается, и высокія сосны, вѣтромъ колеблемыя, томнымъ по временамъ шумомъ придають болѣе унынія печальному мѣсту сему... Читатель!—заключаетъ поэтъ:—если ты будешь когда въ сей рощѣ, вспомни, что одинъ несчастный молодой человекъ часто проливалъ въ ней слезы! вспомни: можетъ быть, скоро пройдеши ты мимо его могилы».

Это писалъ Каменевъ ровно за два мѣсяца до смерти.

Блуждая постоянно по кладбищу и непрерывно предаваясь своему отчаянію, Каменевъ дожилъ до галлюцинацій: предъ нимъ стали разверзаться могилы и являться загробные призраки, предвѣщающіе смерть. Это описано имъ въ особомъ стихотвореніи, а также и въ одномъ прозаическомъ разсказѣ.

26-го іюля 1803 года Каменевъ наконецъ сбросилъ съ себя «жизни бремя», на 32 году отъ роду, по внѣшнимъ дарамъ—баловень судьбы, и мученикъ по внутренней исторіи своей души.

Прахъ его былъ погребенъ рядомъ съ могилою отца, на Кизическомъ кладбищѣ, близъ церковной ограды. Вокругъ этихъ могилъ впослѣдствіи были погребены и обѣ дочери поэта Каменева—Рубанова и Хворова, а также и лучший его другъ С. А. Москотильниковъ.

Литературное наслѣдіе Каменева, его бумаги въ значительной части достались Москотильникову. Другой ящикъ съ масонскими бумагами и письмами Каменева погибъ въ 1874 году. Въ это время въ Казани производились усиленные политическіе обыски. Родная внучка Каменева, богатая купчиха Крупеникова, считая по старой наслышкѣ масонство вещью опасною, спалила все содержимое ящика.

Вдова Каменева скоро утѣшилась и вышла замужъ. Мужского поколѣнія въ семьѣ Каменевыхъ не осталось, и славное имя купцовъ Каменевыхъ утратилось въ Казани. Въ домѣ, гдѣ скончался поэтъ, устроили трактиръ, долго тамъ существовавшій подъ фирмою «Гамбургъ».

Въ литературѣ новые писатели скоро затмили перваго русскаго романтика. Его начисто забыли. Пушкинъ въ бытность свою въ Казани въ 1833 году запрашивалъ о немъ у племянницы поэта, просилъ ее собирать матеріалы и хотѣлъ самъ писать біографію Каменева. Письма Каменева къ Москотильникову были изданы Н. И. Второвымъ въ 1845 году въ I части сборника графа Сологуба «Вчера и сегодня». Письмамъ Второвъ предпослалъ небольшую біографическую замѣтку, составленную со словъ Москотильникова, которому и была посвящена статья. Данныя о Карамзинѣ были использованы разными лицами, въ томъ числѣ его біографомъ, М. П. Погодинымъ.

Затѣмъ о Каменевѣ вспоминали иногда составители хрестоматій, какъ-то Галаховъ и Гербель; перепечатывался неоднократно и «Громвалъ», но всегда не въ подлинномъ видѣ, а, какъ оказывается, въ передѣлкѣ Жуковскаго, по его изданію «Образцовыхъ сочиненій». Потомъ въ мѣстныхъ казанскихъ газетахъ появлялись отъ времени до времени краткія замѣтки о Каменевѣ.

Съ 1896 года начинаются мои собственныя работы надъ Каменевымъ. Благодаря любезности наслѣдницы Москотильникова, его пріемной дочери, П. К. Проскуряковой, мнѣ удалось воспользоваться бумагами Москотильникова. Но я уже не нашелъ многого,

что имѣлъ въ рукахъ своихъ Второвъ: не сохранились даже всё тѣ письма, которыя имъ напечатаны.

Въ 1902 году въ III томѣ моего труда «Литература и просвѣщеніе» я вторично издалъ письма Каменева съ подробными объясненіями и съ возстановленіемъ многочисленныхъ пропусковъ, сдѣланныхъ Второвымъ; къ письмамъ былъ приложенъ сводъ всѣхъ данныхъ, имѣющихся о Каменевѣ въ печати.

Нынѣ готовится мною первое собраніе сочиненій, переводовъ и переписки Г. П. Каменева.

Въ свѣтлый четвергъ сего года я ѣздилъ въ Кизическій монастырь и посѣтилъ мѣсто упокоенія Каменева. Стоя у его могилы, я невольно повторялъ предсмертный призывъ бѣднаго поэта—Друзья, придите вы сюда»:

Придите! древнихъ соснѣ въ тѣняхъ
Надгробный камень тамъ бѣдѣтъ;
Подъ нимъ вашъ другъ несчастный тлѣтъ:
Слезой его почтите прахъ!
Почувствуйте въ душѣ унылой,
Какъ надъ безмолвною могилой
Во мракѣ ночи вѣтъ вѣтръ...

Проф. Е. А. Бобровъ.

